

Павел Кантур

Чужие глаза

18+

Павел Кантур

Чужие глаза

«Автор»

2026

Кантур П. П.

Чужие глаза / П. П. Кантур — «Автор», 2026

Восемь месяцев назад Марина Соколова попала в аварию, в которой погибла её сестра. Сама Марина выжила, но память о том вечере стерта начисто. Единственное, что знает следствие — она была за рулем. Жизнь замерла на паузе, и единственной опорой стал муж Дмитрий, окруживший её заботой. Но однажды у двери появляется конверт без обратного адреса. Внутри — фотография Марины у окна, сделанная ночью из соседнего дома. На обороте надпись: «Ты не помнишь. Но ты должна». Следом приходят новые послания — вырезки из газет, странные снимки, намеки на второго участника аварии, скрывшегося с места ДТП. Кто-то методично сводит её с ума. Или она сама? Ведь почерк на записках подозрительно похож на её собственный. Чтобы выжить, Марине придется заглянуть в самые темные уголки своей памяти и задать главный вопрос: кому на самом деле выгодно, чтобы она ничего не помнила? Психологический триллер, в котором грань между жертвой и преследователем стирается, а прошлое оказывается страшнее любого вымысла.

© Кантур П. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Восемь месяцев	6
Глава 2. Соседний дом	7
Глава 3. Доктор Осокина	8
Глава 4. Кофта	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Павел Кантур

Чужие глаза

Пролог

Конверт лежал на коврике у двери, будто пролежал там всю ночь. Ни марки, ни обратного адреса — только её имя, написанное от руки, крупными неровными буквами: МАРИНА. Она подняла его, всё ещё в халате, с чашкой остывающего кофе в другой руке, и не сразу решилась открыть. В доме было тихо — Дмитрий уже уехал на работу, город за окном просыпался медленно, нехотя, как и она сама последние восемь месяцев. Внутри оказалась фотография. Она сама, снятая со спины, у окна собственной кухни. Снимок был сделан вчера вечером — она узнала кофту, которую надела только один раз, и разлитое пятно чая на столе, которое она не успела убрать перед сном. На обратной стороне было написано: «Ты не помнишь. Но ты должна». Марина простояла в прихожей ещё долго после того, как за окном рассвело окончательно, слушая, как где-то этажом выше хлопает дверь лифта, и думая, что дом, в котором она живёт уже семь лет, вдруг стал казаться чужим — как гостиница, в которой она забыла номер своей комнаты.

Глава 1. Восемь месяцев

До аварии Марина Соколова помнила почти всё. После — куски, разбросанные, как страницы книги, вырванные и брошенные по ветру: некоторые лежат рядом, некоторые улетели совсем, и никогда не знаешь заранее, какую найдёшь следующей. Врачи называли это диссоциативной амнезией — следствием черепно-мозговой травмы и, как деликатно добавляла невролог, «тяжёлого эмоционального потрясения». Психика, объясняла Осокина, иногда прячет то, с чем не может справиться сознание, — не стирает, а откладывает в дальний ящик, до лучших времён. «Как чемодан, который вы убрали на антресоли, — сказала она однажды, — вы знаете, что он там, но открыть его пока не готовы». Лучшие времена не наступали. Марина прожила восемь месяцев в состоянии, которое сама называла про себя «жизнью на паузе»: работа, дом, редкие звонки матери, которая после похорон Веры разговаривала с ней короткими, острыми фразами, будто через каждую надо было переступить, как через разбитое стекло. Марина знала факты, потому что факты ей рассказали, а не потому, что помнила их сама: восемь месяцев назад машина, в которой она ехала вместе с сестрой, слетела с трассы за городом и врезалась в ограждение моста через реку Сосну. Вера погибла на месте. Марина выжила — с сотрясением мозга, переломом левой руки и провалом в памяти длиной в три недели до аварии и почти весь тот вечер, минута за минутой стёртый, будто кто-то аккуратно вырезал его лезвием из киноленты. Дальше был Дмитрий. Муж, который забрал её из больницы на такси, потому что сам не мог сесть за руль после того, что случилось с его седаном — так он объяснял ей потом, — который терпеливо, без единого упрёка, приносил ей воду по ночам, когда она просыпалась от снов, которых не могла вспомнить утром. Который взял на себя все разговоры со следователем, с похоронным бюро, с её собственной матерью. Который однажды, во время особенно тяжёлой ночи, сидел рядом на полу ванной, держал её за руку и говорил: «Я никуда не уйду, слышишь. Что бы ты ни вспомнила, что бы ни случилось, — я рядом». Она была за рулём. Это единственное, в чём следствие не сомневалось, и это единственное, за что она сама себя не могла простить, хотя и не помнила ни секунды из того вечера. Марина работала редактором в небольшом издательстве и после аварии взяла долгий отпуск, а потом вернулась на неполную ставку — читать чужие рукописи оказалось легче, чем разбираться в собственной жизни: чужие сюжеты можно закрыть на середине, если они становятся невыносимыми, а свой — нет. Коллеги обходили тему аварии стороной, и она была им за это благодарна, хотя иногда, ловя на себе их осторожные, слишком добрые взгляды, чувствовала себя музейным экспонатом — трагедией за стеклом, которую разглядывают, но не трогают. В то утро, разглядывая снимок себя у окна, она впервые за восемь месяцев почувствовала не горе, а страх — отдельное, острое, не смешанное ни с чем чувство, которое показалось почти освежающим на фоне многомесячного оцепенения. Кто-то стоял снаружи, в темноте, и фотографировал её через стекло. И этот кто-то знал то, чего не знала она сама.

Глава 2. Соседний дом

Она никому не сказала о конверте. Не потому, что решила молчать, — просто не нашла слов, которые не звучали бы как продолжение болезни. «Кто-то сфотографировал меня и написал, что я что-то забыла» — фраза, после которой в глазах любого слушателя загорается сочувственная тревога, а не понимание, и Марина слишком хорошо знала этот взгляд, чтобы спрашивать на него снова. Дмитрий вечером спросил, как прошёл день, разогревая на кухне ужин — он всегда готовил, с тех пор как она вернулась из больницы, аккуратно, даже с каким-то вызовом, будто доказывал себе и ей, что способен быть идеальным. «Нормально», — ответила она, убирая фотографию в ящик стола, под стопку старых квитанций, куда обычно складывала то, что не хотела видеть. Ночью она не спала. Лежала, глядя в потолок, слушая ровное дыхание Дмитрия рядом, и пыталась вспомнить кофту с фотографии — синюю, с потёртым воротником, купленную ещё при жизни Веры, в паре с точно такой же, зелёной, для сестры. Она точно надевала синюю вчера. Значит, снимок сделан вчера вечером. Кто-то стоял у дома напротив — единственная точка, откуда видна их кухня на пятом этаже, — и ждал момента, когда она подойдёт к окну. Утром, когда Дмитрий уехал на работу, она вышла на балкон в одном халате, не чувствуя утреннего холода, и долго смотрела на соседний дом. Стандартная пятиэтажка, обшарпанный фасад, ничего примечательного. На третьем этаже, прямо напротив их кухни, штора была немного сдвинута, будто её только что отпустили — или ей просто хотелось так думать. Марина спустилась, пересекла двор, где старушки на скамейке замолчали, наблюдая за ней с тем особым вниманием, каким в маленьких дворах провожают человека, о чьей трагедии знают все, — и долго стояла у подъезда, не решаясь войти. В домофоне не было списка жильцов — только цифры квартир, потёртые, некоторые кнопки без подписей вовсе. Она нажала «8» наугад, услышала долгие гудки в трубке и никто не ответил. Она вернулась домой с ощущением, что сделала первый шаг куда-то, откуда трудно повернуть назад — как в детстве, впервые зайдя в воду, не зная глубины. Второй конверт пришёл через три дня, тоже без марки, тоже подсунутый под дверь ночью, хотя консьержки в их доме не было и любой посторонний мог бы просто подождать, пока откроется дверь подъезда для кого-то другого, и войти следом. На этот раз внутри была не фотография, а вырезка из старой городской газеты, восьмимесячной давности, с пожелтевшими от времени, а не от возраста, краями — будто её специально составили в духовке или на солнце. Заметка об аварии на трассе М-7, короткая, в три абзаца, между новостями о ремонте дороги и открытии нового супермаркета. В ней упоминались имена — её и Веры. И ещё одна деталь, которую следствие в итоговом протоколе не подтвердило, но которую кто-то заботливо подчеркнул красным маркером: «по предварительным данным, на месте происшествия видели второй автомобиль, который скрылся с места ДТП». Марина читала эту строчку раз десять, прежде чем руки перестали дрожать, а потом ещё раз десять, потому что впервые за восемь месяцев в её голове зазвучал не образ, а звук — короткий, металлический, похожий на скрежет, — и она поняла, что это, возможно, первый настоящий обломок памяти, а не просто игра встревоженного воображения.

Глава 3. Доктор Осокина

— Второй автомобиль в первоначальных сводках — обычное дело, — сказала Инна Осокина, её невролог, снимая очки и потирая переносицу тем усталым жестом, каким это делают люди, повторяющие одно и то же разным пациентам десятый раз за неделю. — Свидетели путаются, дорожная полиция фиксирует всё, что говорят на месте, в шоке, в темноте, под дождём, а потом отсеивает недостоверное при составлении официального заключения. Если бы второй автомобиль подтвердился документально, дело пересмотрели бы. — А если не пересмотрели, потому что никто толком не искал? Осокина посмотрела на неё внимательнее, отложив ручку. — Марина, я хочу помочь вам разобраться с памятью, а не с расследованием восьмимесячной давности. Вы понимаете разницу? — Понимаю. Но кто-то присылает мне вырезки и фотографии, сделанные из окна дома напротив. Это не имеет никакого отношения к моей памяти, доктор. Это происходит здесь и сейчас. — Или имеет самое прямое отношение, — мягко возразила Осокина, подавшись вперёд. — Диссоциативная амнезия иногда работает странно, почти театрально, если можно так сказать про столь мучительное состояние. Часть личности, которая помнит — назовём её условно «сохранившей память», — может пытаться донести информацию до той части, которая забыла, обходными путями. Записки самой себе, оставленные и тут же забытые в силу той же диссоциации. Сообщения, отправленные в состоянии, которое человек впоследствии не помнит вовсе, как если бы это был не он. Марина молчала, чувствуя, как кожа на затылке становится холодной, будто в кабинет вдруг впустили сквозняк. — Вы хотите сказать, что я сама себе это присылаю? Что я хожу ночью в тот дом, фотографирую себя со стороны, а потом сама подкладываю конверты под собственную дверь? — Я хочу сказать, что это стоит рассмотреть как одну из версий, — терпеливо повторила Осокина, — прежде чем искать чужого злоумышленника с конкретным лицом и мотивом. Особенно учитывая, что замки в вашей квартире не взломаны, а сигнализация, если я правильно помню из вашей карты, не срабатывала ни разу. Марина вышла из кабинета с ощущением, что земля стала чуть менее твёрдой, чем час назад. Версия доктора была бы утешительной — куда приятнее верить в собственную блуждающую психику, чем в постороннего наблюдателя за окнами, — если бы не одно «но»: она отчётливо помнила, что вчера, в момент, когда, вероятно, был подложен второй конверт, была на работе допоздна, у всех на виду, редактировала рукопись вместе с Леной, а до этого — не выходила из дома вовсе, отсыпалась после бессонной ночи. Если она рассылала себе письма, то делала это не в те часы, которые помнила как свои собственные, ясные, принадлежащие ей целиком.

Глава 4. Кофта

Она решила проверить синюю кофту. Купленную почти три года назад, в паре с точно такой же — для Веры. Сёстры, несмотря на четырёхлетнюю разницу в возрасте, всю жизнь любили одинаковые вещи разных цветов; синяя досталась Марине, зелёная — Вере, и это стало у них почти ритуалом: заходя в магазин, обе сразу тянулись к одной и той же вешалке, спорили несколько секунд, кому какой цвет, и всегда сходились быстро, без обид. Кофта лежала в шкафу, на нижней полке, там, где она её и оставляла обычно, свёрнутая неаккуратно, как это делает человек, который надевает вещь редко и без особого повода. Марина взяла её в руки, поднесла к лицу — пахло стиральным порошком и немного пылью — и на подкладке, у самого шва подмышкой, увидела то, чего не видела раньше, потому что никогда не разглядывала эту вещь так внимательно: пятно. Тёмное, засохшее, почти неразличимое на синей ткани, если не знать, куда смотреть. Она замерла, чувствуя, как пульс отдаётся в ушах. Кофта не была на ней в день аварии — в тот день на ней была куртка, тёмно-серая, стёганая, это она помнила точно, потому что куртку потом отдали в химчистку по требованию следствия, а после так и не забрали, и Марина до сих пор иногда думала о ней, висящей где-то на безымянной вешалке в подсобке химчистки, никому не нужной. Кофту она надевала до аварии, много раз, и после — но не в тот вечер. Или надевала? Марина понесла кофту к окну, разглядывая пятно на свету, поворачивая ткань под разными углами, и тут услышала звук ключа в замке — Дмитрий вернулся раньше обычного, хотя обычно задерживался до девяти. — Что делаешь? — спросил он, снимая пальто в прихожей, и голос его был обычным, домашним, спрашивающим из вежливости, но взгляд, брошенный из коридора в сторону спальни, на секунду задержался на кофте в её руках чуть дольше, чем требовалось для простого «что делаешь». — Ищу пятно, — сказала она, не думая, не успев сформулировать более безопасный ответ. — Не могу понять, откуда оно. — Дай посмотрю, — он подошёл слишком быстро для человека, только что вошедшего с холода, забрал вещь у неё из рук почти мягко, но решительно, будто перехватывал что-то, что могло разбиться. Повертел кофту в руках, поднёс к окну сам. — Старое пятно, наверное, ещё с прошлого лета — помнишь, ты в ней краску проливала на даче. Выброси, если не отходит, зачем тебе эта кофта, она вся вытянутая, воротник обтрёпан. — Мне нравится эта кофта. — Она напоминает тебе о Вере, — сказал он, и в этом не было вопроса, только утверждение, произнесённое с той бережной жалостью, которая одновременно и заботится, и закрывает тему. — Может, тебе не нужно постоянно об этом себе напоминать. Психолог же говорила — важно не застревать. Он унёс кофту на кухню, повесил на спинку стула, где обычно складывал вещи для стирки, и через два дня Марина обнаружила, что её нет ни в шкафу, ни в корзине для стирки, ни в мусорном ведре на кухне, ни даже в общем мусоропроводе на этаже, куда она специально спустилась проверить под каким-то надуманным предлогом перед соседкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.